предъявляются специальные требования. В большинстве случаев, в результате плохого преподавания, негативного отношения преподавателей к учащимся и наличия программ, несоответствующих особенностям детей, одаренный ребёнок учится ниже своих способностей.

Признавая факт отсутствия в наше время точной и разработанной программы подготовки специалистов для работы с одаренными детьми, можно воспользоваться перечисленными выше характеристиками качеств, необходимых педагогу для результативной работы с одаренными детьми и их родителями.

1. Гильманшина С.И. Формы работы с одаренной молодежью в системе университетского образования / С.И. Гильманшина, Ф.Д. Халикова // Казанский педагогический журнал. – 2015. №4. Ч.2. – С. 294 – 297
2. Ольховская Е.А. Профессиональное образование, теория и методика обучения / Е.А. Ольховская // Учёные записки Забайкальского государственного университета. – 2011. – № 6

Колпачева О.Ю.

Педагогические взгляды Н. Г. Помяловского

*Ставропольский государственный педагогический институт
(Россия, Ставрополь)*

doi 10.18411/spc-04-04-2018-06

idsp 000001:spc-04-04-2018-06

В середине XIX века в России возникло движение шестидесятников, участниками которого наряду с известными писателями были авторитетные в пореформенном обществе молодые авторы: Г. В. Успенский, Ф. М. Решетников, Н. Г. Помяловский, В.А. Слепцов и другие.

В педагогическом отношении наибольшего внимания заслуживают произведения Николая Герасимовича Помяловского, известного современному читателю по книге «Очерки бursы».

Развернутая писателем картина бурсацкой жизни, описание творящихся за закрытыми стенами столичной семинарии безобразий повергли в шок занятую обсуждением «высоких» воспитательных проблем педагогическую общественность страны. Автор сразу вводит читателя в неприглядную обстановку бursы: «Огромная комната, вмещающая в себя второуездный класс училища, носит характер казенщины, выражающей полное отсутствие домовитости и приюта» [2, с. 125]..

Во время вечерних занятий на комнату полагалась одна масляная лампа в три рожка. После занятий на два-три часа в ней собиралось до двухсот семинаристов, находясь там из-за экономии масла в полной темноте. Экономило начальство и на дровах: в спальнях печи не топили неделями, и бурсаки были вынуждены на ночь укрываться своими лохмотьями, чтобы как-нибудь согреться. Не лучше было и питание семинаристов: мука мешалась с мякиной, говядину в щак не мог заставить есть даже голод; В целях экономии продуктов применялись наказания в виде лишения обедов. Лишение обедов не было основным наказанием, - приоритет твердо удерживала порка, за которой следовали изощренные физические истязания.

В период, когда в стране активно дискутировались проблемы гуманизации образования, воспитанием семинаристов руководил инспектор - «зверь по натуре», «семипушечный медведь». Деспотичный по характеру, он поощрял произвол, следуя принципу: «Если ты стоишь, а начальство говорит тебе, что ты сидишь, то, значит, ты сидишь, а не стоишь» [2, с.139]..

В образах учителей Лобова, Долбежина и Батьки Н.Г. Помяловский дает уничтожающую характеристику педагогическому персоналу духовных учебных заведений. Все трое были сторонниками педагогического террора: зубрежка

представлялась им идеальным методом преподавания, а физические истязания – необходимым педагогическим средством. Секли за плохо выученный урок, за проделки в классе, наконец, секли просто так, по очереди.

В то же время, по признанию Помяловского, если бы учителя «не употребляли противоестественных и страшных мер преподавания, то ...редкий бурсак стал бы учиться, потому что наука в бурсе трудна и нелепа» [2, с. 141]..

«Новых» учителей представляют в «Очерках» Краснов и Разумников. Краснов, «по натуре своей человек добрый, деликатный» также считал розги необходимым атрибутом педагогического дела, но никогда не назначал более десяти ударов. Он не заставлял зубрить уроки слово в слово, позволял задавать вопросы и снисходил до ответов на них. Такое поведение «почиталось едва ли не признаком близкого пришествия антихриста и кончины века сего» [2, с. 143]..

В семинарии учились ученики в возрасте от восьми до двадцати лет, однако возрастные особенности не учитывались. Основанием учения была «долбня, ужасающая и мертвящая», проникающая, по выражению писателя, «в кости и кровь ученика». Учителя в большинстве случаев уроки не объясняли, а поэтому подлинной пыткой для старшеклассников было выступление с так называемыми «возражениями» - теологическими и философскими рассуждениями.

Руководству семинарии противостояло товарищество – оригинальная корпорация бурсаков со своими законами, идеалами, обычаями. В товариществе выработалась особая этика: обмануть товарищество было преступлением, обмануть начальство – подвигом.

«Были три сферы, - пишет Помяловский, - которые по нравственному отношению к ним бурсака были совершенно отличны одна от другой. Первая сфера – товарищество; вторая – общество, т. е. все, что было вне стен училищных, за воротами его: здесь воровство и скандалы одобрялись бурсацкой коммуной, особенно когда дело велось ловко и остроумно. Но в таких отношениях к обществу не было злости или мести; позволялось красть только съедобное; поэтому обокрасть лавочника, разносчика, сидельца уличного – ничего, а украсть, хотя бы на стороне, деньги, одежду и тому подобное считалось и в самом товариществе мерзостью. Третья сфера – начальство; ученики гадили ему злорадно и с местью. Уважались товариществом «отпетые» бурсаки, которые науками не занимались, порки не боялись, перед начальством не трусили; доблестными качествами считались – физическая сила, выносливость в хмельных напитках и готовность на всякие отчаянные предприятия» [2,с178]..

Традицией бурсы была обязательная проверка новичков. Если они стоически переносили побои и щипки от бурсаков и порку от начальства, то становились полноправными членами товарищества. Бурсацкие порядки порождали и фискалов: не выдерживая ежедневных истязаний, некоторые новички жаловались начальству, и их тогда дальнейшая жизнь становилась подлинным кошмаром.

Как ни дико было товарищество, как ни суровы были его законы, только оно могло спасти бурсака от нравственного и умственного застоя, так как в нем соблюдались какие-то нравственные принципы, и сюда проникали извне слабые «лучи света». Оказавшиеся вне товарищества семинаристы были обречены на жалкое прозябание. Об этом наглядно свидетельствует судьба выведенных Помяловским персонажей. Одаренного и волевого Аксютку бурса довела до воровства и каторги; подлого и трусливого Тавлю – до ростовщичества; честного, но не умеющего сдерживать свои порывы Гороблагодатского – до крайнего ожесточения; избалованного Семенова – до фискальства и т.п.

«Поразительное сходство в тех условиях, которыми обставлено существование бурсаков и арестантов», - отмечал Д.И. Писарев, сравнивая «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского с «Записками из мертвого дома» Ф.М. Достоевского. «Бурса, - писал он

в статье «Погибшие и погибающие», - одно из очень многих и притом самых невинных проявлений нашей повсеместной и всесторонней бедности и убогости ...Устоять против бурсы, должно быть, во всяком случае, гораздо труднее, чем удержаться невредимым в мертвом доме» [1, 106]..

К проблеме воспитания Н.Г. Помяловский обращался и в других работах. В повести «Молоков» он подверг критике деятельность институтов благородных девиц – элитных учебных заведений, калечащих, подобно семинариям, души воспитанниц. Семилетнее обучение в институте почти не оставило хороших воспоминаний у героини повести Нади Дороговой. В нравственном плане полученное образование не дало ей ничего: за внешним лоском высоких и опрятных классных комнат скрывалась такая же казенщина, как и за промозглыми стенами бурсы. Там были классные дамы - надзирательницы, выманивающие под видом филантропических затей у воспитанниц вещи и деньги и подвергавшие преследованиям отказавшихся их давать. При отсутствии телесных наказаний их заменяли придирки, выговоры и отправка в лазарет. В лазарете морили голодом, одевали смирительные рубашки, подвергали непокорных строгой изоляции.

Отсутствовало здесь и чувство товарищества, которое могло постоять за своих членов. За себя боролись в одиночку, и сломить упорство воспитанниц для начальства не представляло особого труда. Институт заканчивали в основном «бледные, анемичные, худенькие девушки, в которых убита была всякая энергия, всякое желание бороться с неблагоприятными условиями жизни; институт не давал им ничего: ни знаний научных (здесь была тоже долбня), ни знания жизни и людских отношений и отнимал даже последнее благо – здоровье..

Критически относясь к сложившейся практике воспитания, Н.Г. Помяловский в своих произведениях высказал ряд собственных суждений. Он, во-первых, требовал уважения к личности ребенка, отмечая, что «первые шаги в жизни глубоко запечатлеваются в детской памяти», и что «ребенок уже совсем маленький человек, со своими запросами от жизни и своими правами на нее, как отдельной личности». Во-вторых, придавая большое значение домашнему воспитанию, писатель ставил его результаты в зависимость от семейной обстановки. Здоровую нравственную атмосферу в семье он называл «поэзией семейной жизни» и отмечал ее позитивное влияние на умственное развитие детей. В-третьих, Помяловский был сторонником предоставления свободы и самостоятельности детям при условии наделения их определенными правами и обязанностями. В-четвертых, в воспитании, по мнению писателя, важен пример родителей и старших. Отец Данилки из романа «Брат и сестра» удивляясь, откуда у сына такое упрямство, забывал, что сам всегда руководствовался принципом: «Хочу так». В аналогичной ситуации оказался и Игнат Васильевич Дорогов из повести «Молоков». Пример доброго влияния на ребенка со стороны окружающих писатель приводит в очерке «Вукол».

Собственный взгляд был у писателя и на проблемы образования. По мнению Н.Г. Помяловского, главное зло современного ему образования состояло в несовершенных приемах преподавания. «Попугай – животное бестолковое, но и его можно учить; что же сказать о ребенке, что сказать о неспособных детях? Дельное преподавание должно уничтожить само понятие о бестолковости детей. Глухих, слепых, немых ныне учат и выучивают, а у нас сотнями исключают здоровых из училищ, как неспособных», - писал он. Испытав на себе весь ужас отупляющей зубрежки, Помяловский являлся сторонником естественного воспитания и придавал огромное значение общению ребенка с природой. «Никакой учебник, никакая ботаника и зоология не научат тому, что он теперь в один день заметит в лесах и на водах. Не выезжая из деревни, он знал больше всякого городского мальчика, окруженного нежными гувернантками, учебниками, глобусами, картинами и другими лицами и препаратами воспитания», - характеризовал писатель Данилу из романа «Брат и

сестра». Продолжая тему, он критиковал ничего не дающие для ума путешествия Андриюши Чеботарева по европейским странам. «Природу, - замечал он, - можно изувечить усиленную и искусственную дрессировкою, сделать, например, из литератора по призванию – торговца, из пастора по призванию – плясуна, но когда человек почувствует, что его сделали, а не он сделался, тогда он либо сбросит с себя оковы, либо впадет в тоску и апатию».

Н.Г. Помяловский был противником существующей в учебных заведениях системы наказаний. «Пора бы, кажется, убедиться что ребенок, которого розга не исправляет, обладает такой натурой, для которой сильно только нравственное возбуждение, что он может действовать только по высшим причинам, а не по страху», - обращался писатель к читателям и педагогам в романе «Брат и сестра». Бессмысленны, по его мнению, были лишения обедов, отпусков домой и другие подобные меры, оскорбляющие детей. «Скоро ли, - спрашивает Помяловский, - господа педагоги убедятся, что голодный ученик так же дик и негоден для науки, как и объевшийся?» [2, 106].

Гуманность педагога, свобода, самостоятельность отдельной личности, уважение ее прав и достоинства, разумное товарищество – вот, по мнению писателя, необходимые условия умственного и нравственного развития ребенка в учебном заведении.

1. Писарев Д.И. Соч. в 4-х т. – М., 1956.-Т.3.
2. Помяловский Н.Г. Сочинения в 2-х томах. Т.1. /вступ. статья Ямпольского. - М.-Л.: Художественная литература, 1965.

Кочнева А.А., Григорьев М.А.

Методы активизации студентов на лекциях

*Санкт – Петербургский горный университет
(Россия, Санкт – Петербург)*

doi 10.18411/spc-04-04-2018-06

ids 000001:spc-04-04-2018-06

Лекции – главный способ оперативной передачи студентам новейшей информации. Лекторские данные, знание предмета, идейная убежденность, эмоциональность, голос, дикция, ясность и правильность речи, внешний вид, умение держаться перед аудиторией, умение видеть и чувствовать аудиторию, устанавливать с ней контакт – это общие требования к лекциям.

Сообщаемый на лекции новый учебный материал хорошо осваивается студентами, если он активизирует мыслительную деятельность. Поэтому главное в лекции – вызвать активное внимание слушателей, движение их мысли вслед за мыслью лектора.

Активизация учебной деятельности способствует приобретению студентом знаний, умений и навыков, на основе которых он становится способным самостоятельно добывать новые знания. Это относится ко всем методам учебных занятий, но особенно к лекциям, как ведущему методу преподавания.

Лектор должен заинтересовать, захватить, увлечь слушателей раскрываемой идеей, возбудить воображение.

Лекции позволяют наиболее эффективно осуществлять мировоззренческую подготовку будущих специалистов, дают направление для формирования их научных знаний, убеждений и профессиональных интересов.

По данным многих авторов, 70 % студентов видят свою основную задачу на лекции в том, чтобы вести подробный конспект (действуя по принципу: «Лишь бы